

Татищева, составленный на основании свѣдѣній, доставленныхъ разными лицами.

§ 25. Историко-археологическое направление въ русской исторіи.

Археологическое направление въ русской исторіи тѣсно связано съ историко-географическимъ. Давноу всѣхъ изыскателей русской старины явилось стремление увеличить кругъ новыхъ данныхъ, расширить наши познанія въ мѣстностяхъ. Тамъ, гдѣ окаймляются свѣдѣнія литературныхъ источниковъ, письменныхъ памятниковъ — являлись на помощь памятники вещественныя. Таково происхождение русской историко-археологической школы. Вадентѣеіе ея представителі ея: Забѣлинъ и графъ Уваровъ. Для нашей цѣли вадено прежде всего прослѣдить археологическое направление въ работахъ, относящихся къ историческому періоду русской жизни. Ясное все оно проявилось въ изысканіяхъ Забѣлина. Самоучка, не получившій не только высшего, но средняго, кадетскаго, и средняго образованія, начавшій свою дѣятельность писцомъ въ одномъ изъ архивовъ, онъ выдвинулся благодаря своему громадному таланту и въ настоящее время состоитъ завѣдующимъ историческимъ музеемъ въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ своихъ ученыхъ трудовъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, раскопка знаменитаго чертомыцкаго кургана, гдѣ найдено много вещей скифскаго періода. Забѣлинъ — наиболее извѣстный московскій историкъ, наиболее видный пред-

ставителъ нашей московской исторической наци-
ональной школы. Печать громаднаго таланта
видитъ на всѣхъ его сочиненіяхъ. Только въ по-
слѣднее время, когда онъ занялся своей „Исторіей
русской жизни“, разбирая различные мнѣнія
о происхожденіи Руси, онъ съпустилъ краски, пе-
решилъ должныя границы безпристрастія и
дошелъ до односторонностей и крайностей.

Свое историческое міровоззрѣніе Забѣлинъ
выражаетъ въ статьѣ: „Размышленія о совре-
менныхъ задачахъ русской исторіи и древно-
стей“, помѣщенной во 2-ю томъ его собрані-
ка „опыты изученія русскихъ древностей и ис-
торіи“. Въ этой статьѣ онъ подходитъ какъ бы
къ историческимъ воззрѣніямъ Костомарова,
но на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, между ними
цѣлая пропасть. Забѣлинъ въ своемъ взглядѣ на
исторію старается провести аналогию между
душою и естествознаніемъ, такъ какъ пред-
метъ исторіи — народный организмъ, подобный
только организмамъ, какіе подлежатъ изученію
естествознанія. „Предметъ исторіи, говоритъ
онъ, — живой организмъ человеческого духа, какъ
явленіе, высшая ступень животнаго орга-
низма природы, надъ изслѣдованіемъ кото-
раго и работаютъ естественныя науки. Изу-
ченіе и изображеніе человеческой жизни въ
сферѣ общества, народа, государства — какъ
хотите — вотъ задача исторіи“. Недостатки
преденныхъ историческихъ трудовъ Забѣлинъ
объясняетъ отсутствіемъ сознанія идеи
народности у изслѣдователей. „Характеръ
историческаго изслѣдованія и изложенія,

говоритъ онъ, за немногими исключеніями досихъ поръ наполняютъ еще или первоначальную роль тописи или исторію естественную, то есть простое описаніе фактовъ и явленій человѣческихъ дѣлъ, распределенныхъ иногда по родамъ и видамъ; при широкій суждаютъ дѣла военные, дѣла градскаго, дѣла церковныя, домашнія и т. д. Единственная связь, на которой держится повѣствованіе, это хронологія, послѣдовательность годовъ, свѣдѣній, следовательно почти вѣковъ, механическая, способная скорѣе затенить дѣло, чѣмъ дать живое представленіе о народной жизни! Вообще предметъ исторіи, по словамъ Забѣлина, занимались оффициальными дѣлами, излагали, такъ сказать, казенныя событія: войны, походы и прочее и т. п. Въ послѣднее же время стали обращать вниманіе не громадный матеріалъ фактъ исторіи народной жизни, на факты меныя, обрисовывающіе въ рѣзкихъ чертахъ народный образъ:

„Подобно естествознанію, говоритъ онъ, и исторія обратилась къ микроскопическимъ наблюденіямъ и микроскопическимъ изслѣдованіямъ надъ предметомъ жизнью человека; диттейскія мелочи, тончайшія волокна людскихъ отношеній, возрѣвній дребня по человеку, его вѣрованій и убѣжденій, жизненныхъ понятій стали больше возбуждать вниманіе историковъ, чѣмъ громадный, повидимому, и великій дѣла Лихачевыхъ и Разныхъ Пашермановъ, въ чемъ бы они ни проявились — въ татарскомъ ли

хамать или друить каких даде наполеоновских
 нарядать... Недавно въ Термани, отечество наукъ,
 провозглашена новая наука - народо-психологъ,
 система знаній о развитіи народнои духовнои
 жизни, наука о духовнои природѣ общественна-
 го челоука, учение о законахъ, по которымъ -
 развивается исторія народа, по которымъ со-
 зидается духъ, характеръ народа, неуловимый
 обликъ его историческои дѣятельности". Далѣе
 Забѣлинъ говоритъ, что все, "нейтральство те-
 перешняго изображенія сочиненія и составле-
 нія исторіи происходитъ отъ того, что досихъ
 поръ еще не могли уловить народнаго облика,
 что исторія теперешняго представляетъ ка-
 кой-то сборникъ біографій неуловимыхъ
 лицъ, надѣлавшихъ шуму въ исторіи и заклю-
 чаетъ много друихъ подробностей, затем-
 няющихъ народныя черты". Означеніи лично-
 сти въ исторіи онъ говоритъ: "Если вѣтъ великія
 личности исторіи суржатъ только вырази-
 тельми измененныхъ силъ народа, провозвѣст-
 никами того, что давно уже тамбов и зрѣло
 въ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, казняхъ и
 стремленіяхъ массы, то пусть онъ и оставитъ
 ся только въ этихъ поляхъ, а не выступантъ, по
 волю историка, главными дѣйствующими
 лицами разказа, которое все таки-самъ на-
 родъ". Преобладаніе вышнихъ событий у пре-
 жнихъ историковъ происходило, по словамъ Забѣли-
 на, потому, что вообще отъ государственной
 вышней дѣятельности народа сохрани-
 лось больше памятниковъ, что государст-
 венная дѣятельность, какъ и все вышнее?

скорее всего бросается в глаза. Историки, говорит
 Забьелин, пренебрегли с высоты своей государствен-
 ной точки зрения многими важнейшими ма-
 териалами. Так, например, они редко находят
 нигде в юридических актах и бумагах, ко-
 торых, с физиологической точки зрения на ис-
 торическое дело - самый существенный источ-
 ник "народной истории". Не обращали внима-
 ния на обширнейший и разнообразнейший ма-
 териал, изображающий жизнь народную душу,
 рисуящую домашнюю будничную жизнь и мелких
 событий людей, а также всю мелкую обстановку
 древнего быта. Особенно важность придет
 Забьелин при изображении исторической
 жизни народа - народному эпосу; из народ-
 ного эпоса, говорит он, должен историк
 черпать ту "жизнь вдов", которая, "одна
 только имеет силу воскрешать сухие думы
 древнего человека, хранящая вернейшие и вы-
 шие сказаниями и повествованиями, разрывами
 государственными актами и документами".
 Из характеристик преданий историче-
 ских трудов Забьелин прибавляет: "Къ
 сожалению еще до настоящей минуты тя-
 готит надъ нами присяжная, неостыдли-
 мая какая то обязанность начинать исто-
 рию разрываниемъ вопроса о происхождении
 варяговъ - руси, какъ будто въ самомъ деле
 отъ этого антикварнаго вопроса зависитъ
 "быть или не быть" нашего историческаго дѣ-
 ла. Неудели до сей минуты мы еще не удо-
 вились, что на этомъ ристалищѣ много
 можно поломать коней, много разъ можно

отличительная в антикварной эрудиции и еще больше разь модно безалавно унасть, потративъ и трудъ, и время, и талантъ безъ всякой пользы для разръшенія да еще этого самого вопроса? Интересно, что самъ Забѣлинъ былъ втянутъ въ то ристалище, противъ котораго онъ здѣсь вооружается — мы разумѣемъ здѣсь по-лешку его съ норманистами, которую онъ ведетъ въ своемъ сочиненіи „исторія русской жизни“. Мы уже говорили выше, что Забѣлинъ отождествляетъ народность съ государственностью. Подлинники народности, говоритъ онъ, отцѣляютъ ее отъ государственности какъ нѣчто чуждое, случайное — и это превратное понятіе происходитъ отъ того, что они переносятъ современныя требованія на народную действительность. Они должны показать намъ народныя стихіи, которыя могли создать иную сферу, болѣе соответствующую. „Пока этого не случится, мы останемся при томъ мнѣніи, что государство, государственная сфера, какая бы она ни была, не есть дѣло одного лица, или нѣсколькихъ лицъ, хронологически одно за другимъ сѣдобавившихъ, а есть непосредственное дѣло самого народа, при томъ дѣло господствующихъ элементовъ его жизни, есть непосредственное выраженіе народности. Далѣе Забѣлинъ говоритъ, что иноквенное самодержавіе имѣло свои основы въ частностяхъ быту древней Руси... Не въ татарамъ и въ Византию мы заимели отъ —

существующей формы", такъ какъ самодержавіе
 было у насъ до татаръ (Ярославъ Мудрый и Андрей
 Боголюбскій называются въ летописи „самовла-
 стцами“), при нихъ и после нихъ. Татары со-
 дѣйствовали только болѣе быструму разви-
 тію самодержавія. Отъ Византіи была за-
 имствована только отвлеченная идея ца-
 ря, но титъ государь вотчимика и хозяина
 еств титъ туземный, сложившійся органи-
 чески, самъ собою изъ готовыхъ элементовъ на-
 родной жизни; онъ существовалъ сначала въ
 частичномъ быту и потомъ, разившись въ по-
 литическое тѣло, охватилъ бытъ всего наро-
 да, ставъ его вершиною. "Развивающіеся на-
 родное сознаніе измѣняется постепенно въ
 своихъ началахъ и принципахъ, ищетъ новыхъ
 формъ для своего выраженія и, не находя ихъ
 дома у себя, естественно обращается на сто-
 рону и заимствуетъ чуждыя формы, но не суще-
 ствность. Въ этой тѣлѣ зрѣній смотритъ Забѣ-
 лимъ на византійскую обстановку царскаго
 достоинства въ XVI и XVII столѣтіяхъ и на
 реформы Петра. Далѣе Забѣлимъ указываетъ
 еще на одинъ важный факторъ народной
 жизни: „полнота государства существуетъ
 дѣятель сильнѣе его, существуетъ само-
 стоятельно, дѣйствуетъ независимо отъ
 опредѣлений государства. Это — общество
 народа. Общество есть главный, вѣдущій
 дѣятель народнаго сознанія. Это созна-
 тельная сторона, сознательная сила на-
 роднаго духа, проявляемая въ элементахъ
 образованности и вообще въ элементахъ

цистической деятельности народа." Не
 безинтересно будет привести здесь мь-
 ние Забѣлина о томъ, что нужно разумѣть
 подъ словомъ народъ: „Народъ есть живая еди-
 ница, сознающая себяменно, а не механи-
 чески, т. е. единичносправивно, свое един-
 ство, свою цѣльность. Совокупность дальней роу-
 ственныхъ племенъ не составляетъ еще на-
 рода, ибо племена, хотя и родственныя по
 языку и происхождению, не могутъ озна-
 чать единства. Вѣдь дѣйствіе того начала,
 которыми они живутъ и держатся”.

Также, по мыслию Забѣлина, задачи
 русской исторіи. Въ понятіи о государствен-
 сти онъ сходится съ Костомаровымъ, но рас-
 ходится въ понятіи о народности. Народность,
 по Костомарову, этнографическая единица, а
 по Забѣлину народность тождественна съ го-
 сударственностью. Вторая половина разди-
 ральной нашей статьи Забѣлина посвящена воп-
 росу о задачахъ русскихъ древностей, или вѣрнѣе
 о задачахъ русской исторической археологіи.
 Здесь Забѣлинъ, какъ знатокъ своего дѣла, вы-
 сказываетъ нѣсколько мыслей, являющихся
 важными и существенными дѣйствіемъ въ
 смыслѣ методологическихъ приемовъ рус-
 скихъ древностей. Здесь онъ намѣчаетъ
 программу, которой и слѣдуетъ вѣрнѣе
 почти сочиненія свои по русскимъ древ-
 ностямъ. Для изученія народной жизни, го-
 воритъ онъ, необходимо обратиться къ изу-
 ченію жизни частной, ея мелочамъ и об-
 становкѣ. Здесь приходится намъ на помощь

археология. „Наука древностей по преимуществу шьет в дугло только съ обломками, остатками; развалинами и не одними монументальными, вещественными, какъ ее обыкновенно понимаютъ, а вообще съ обломками и развалинами жизни человека, въ какой бы видъ и въ какой бы формѣ онъ ни встрѣтился. Среди такихъ обломковъ и развалинъ она и отыскиваетъ полноту единичной, индивидуальной жизни. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ такого мелкаго памятникка, такого мелчайшаго свидѣтельства, которое не было бы для нея важно и поучительно. Задѣсь всякая тонкая черточка идетъ в дугло, потому что для изображенія мелкихъ единичъ, нужны тонкія и мелкія черты. Словами, задача археологии — жизнь и бытъ человека, какъ отдельной единицы.... Все, по возможности, самостоятельные отрывки археологическаго знанія, какъ напримеръ, исторія искусства и т. п. въ результатъ своихъ изысканій, изслѣдованій и своего ученія все таки встрѣчаются съ единичнъ узнать всякого знанія и всякой науки — съ человекомъ или въ его единичной жизни или въ общей, народной, основной канала которой и стараются себя уяснить.“ Въ археологии, говоритъ онъ, требуется прежде всего изслѣдованіе внѣшней обстановки, внѣшнѣго порядка жизни, и въ этомъ случаѣ нельзя пренебрегать никакою мелочью, никакою микроскопическою черточкою; только благодаря этому можно возвести историческое и археологическое изслѣдованіе въ живые, законченныя типы. „Если дивной,

дышащей характеристики современных нам
 типов художников прямо берет за вышнюю,
 мелочную их обстановку и щедро разсыпает
 вокруг их домашний, бытовой мелочи, всег-
 да придающий особенную выпуклость или, го-
 ворит старинным словом, особенное жив-
 ство изображаемым лицам и картинам,
 то подобный краски еще необходимы для изо-
 бражений древности." Современные нам
 типы, говорит Забьинь, знакомы нам и
 без описаний: мы легко представляем в сво-
 ем воображении тип чиновника, купца, ма-
 стерового, солдата и т.д. Но — „что ныне
 иль во льсте в общель движении, было
 непосредственным материалом самой
 жизни, то завтра исчезнет и переходит
 в область отвлеченностей, становится
 материалом для истории, или археологии,
 вообще материалом знания. Оттого так
 трудно нам связать какое-нибудь живое поня-
 тие с именами, например, древнего русска-
 го князя, боярина, сына, боярского сына, торго-
 вого человека, востя, посадского и т.д. Все это
 — полнейшие размеры для нашего воображения,
 надъ которыми нужно еще много и долго пора-
 ботать, чтобы добиться въ нихъ смысла, раскрыть
 въ нихъ живую душу." Какой же сметливы, спра-
 шивает Забьинь, мы должны держаться
 при разборъ этого разнообразнаго и громад-
 наго археологическаго материала? Завѣсь не
 должно быть, по его мнению, отъѣздовыхъ
 самостоятельныхъ отрядовъ археологии
 въ родѣ нумизматики, геральдики — такъ

называемых дворничих аристократических наука, которая для нас, людей XIX века не имеет значения, а тем более для русских. При изыскании каждой отрасли археологии должно обращаться на эту отрасль лишь столько внимания, на сколько она касается общедельца, центра всяких подобных изысканий - человека единичного, или целого народа. Но так как в различных оболочках вивших, старинной обстановки кроются входы, понятия и вообще вся духовная природа человека, то, система, строй и порядок, в каждой должно вести археологическое изучение, кроется в основах самой жизни человека, в условиях материального, физического его существования и в духовных отправлениях его природы. Не по вившим вопросам о той или другой стороне, о том или другом предмете древнего быта, мы должны располагать археологическое знание, и по внутренним явлениям жизни немых слав человека - творца своей действительности, - следовательно основа археологической системы должна искать свою точку твердую опору в психологии; по крайней мере из этого источника она должна почерпнуть ту простоту и ясность в определении и построении порядка в своем содержании, без которых не только малейшей возможности осмыслить невзрачную массу и разнообразие археологического материала." Наконец Зайкин нам предлагает следующие пункты археологического изыскания: 1, материальная сторона угасшей

жизни, или весь условия физического существования в данную эпоху; 2, сторона умственных сил, или ть условия, которые обнаруживали и определяли деятельность ума, жизненность мысли и 3, сторона нравственных сил со всеми условиями, в которых эти силы выразились.

Выразив свои взгляды на археологию, задолжил рывшимся приложить их на деле. Онъ задумалъ возсоздать полную картину прошлаго на основании археологическихъ остатковъ, какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ. Свои изслѣдованія въ этомъ направленіи онъ началъ съ изученія быта русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ и выпустилъ два сочиненія: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII стол.“ и „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Въ предисловіи къ первому изъ этихъ сочиненій авторъ высказываетъ интересный взглядъ на характеръ русской исторіи и русскаго народа: „интересъ нашей исторіи заключается по преимуществу въ непосредственной физиологическомъ ростѣ нашей цивилизаціи, въ отсутствіи, именно, тѣхъ элементовъ, которые двигали развитіе на западѣ, и въ присутствіи такихъ, которые сближаютъ насъ болѣе съ востокомъ, то есть вообще съ народами, не касавшимися въ своемъ развитіи того богатого наслѣдства древней образованности, какими воспользовались народы западные. Мы не получили этого наслѣдства, не попали въ эту цивилизующую школу въ которой выработанныхъ началъ и умственныхъ и общественнаго развитія. Мы, напротивъ,

очень долго росли, какъ и убитъ сельский на степ-
ной волк, оставленные самими себѣ, какъ тотъ
любимый герой нашихъ сказокъ, обаятельный,
загаданный братьями, обрѣденный отцовскими
наслѣдствомъ, въ силу котораго народъ инстин-
ктивно рисуетъ собственную долю. Собствен-
ными силами и разумомъ самой жизни, мед-
ленно и тѣмъ же мы создали свою самостоя-
тельность. Нашъ отказала въ помощи даже са-
ма природа и въ то время, какъ европейскіе
народы, двигаясь поступательно къ западу, всю-
ду встрѣчали не только богатство естественныхъ
условій, но даже, какъ напримеръ среди племенъ
Америки, значительную долю гражданскаго
развитія, мы, принужденные двигаться по
глубокому сѣверу на востокъ, встрѣчали на пути
такъ же непроходимые лѣса, негостеприимныя
и степи и суровыя накатки цивилизаціи, предъ
которыми первенствовало даже наше, слишкомъ
молодое еще развитіе." Затѣмъ авторъ гово-
ритъ о недостаткахъ современной обработкѣ
бытовой исторіи: „Обыкновенный способъ об-
работкѣ бытовой исторіи заключается въ
томъ, что разновременные, разноименные и
разнословные бытовые факты сводятся подъ
извѣстное означеніе и, такимъ образомъ, со-
ставляютъ разсказъ о той или другой сторо-
нѣ быта, о той или другой порядкѣ жизни
(нашекъ на исторію Россіи Соловьева). При перво-
начальныхъ работахъ такой способъ почти
миновать нельзя. Но должно сознаться, что
онъ артышитъ измѣничивыя обобщенія фак-
товъ, изъ которыхъ каждый представляетъ

или доминирует представлять как бы обобщенную черту, не выходящую однакоже того, или другого общего типа жизни, а рисуя только одну из форм народа вообще в известный период времени, иногда очень значительного объема". Забьминъ говоритъ, что наука и искусство естественно помогаютъ другъ другу; „Задача искусства в томъ, именно, и заключается, чтобы пластически выразить въ одномъ типѣ все то, что разбросанное и какъ бы разрозненное вращается въ жизни отдельныхъ лицъ, принадлежащихъ, однако, по свойству своей нравственной природы къ одному и тому же роду, или виду. Наука съ своей стороны помогаетъ искусству и собираетъ материалы для художественнаго воплощенія въ одно цѣлое разрозненныхъ и повидимому чуждыхъ другъ другу элементовъ нравственной жизни. Въ этомъ смысле необходимо совершается естественный процессъ словеснаго творчества: возводитъ знание въ актъ сознанія, къ чему ведетъ и конечная цѣль самой исторіи.“ Далѣе Забьминъ разсматриваетъ главные типы древне-русской жизни, такихъ типовъ было три: 1) „наибольше замѣтный, переходной типъ нашей исторіи есть государь или господарь не въ тѣсномъ смысле государя политическаго, а въ смыслѣ общины, какъ собственника и владѣльца, хозяина, который и въ общественной жизни именовался тѣмъ же словомъ, и въ самомъ дѣлѣ выступилъ уже изъ себя политическое явленіе.“ Понятно, что этотъ типъ существовалъ среди первен-

ствующаго сословія въ родѣ, напримѣръ, княжес-
 кой дружины. Этотъ типъ можно разши-
 ривать въ 3^х видахъ: быть лучшими, сред-
 ними и младшими людей; 2-й типъ земля-
 -каршителей во время его вывозитъ не имѣть.
 „Здѣсь наиболее виднымъ мущинъ становится
 по естественной причинѣ капиталистич-
 ескій. Этотъ господарь-хозяинъ въ собственномъ смы-
 слѣ. Младшія вѣтви этого типа терпятъ въ
 посадскихъ и черношубодескихъ сиротахъ“, ко-
 торыми трудолюбіе, оборотливость, „промыслъ“
 въ смыслѣ дарованій ума и опытности, всегда
 открывали широкую и свободную дорогу въ
 первые ряды земства“. Третій типъ - казаче-
 ство - есть также особый порядокъ
 отношеній, особая ступень жизни, требующая,
 какъ особый видъ типа, отъбывающаго, незави-
 симаго изслѣдованія. Не ограничивая его зна-
 ченія одною какою либо мѣстностью, или
 историческимъ періодомъ, необходимо раз-
 смотрѣть существенныя стороны этого ти-
 па въ общемъ его явленіи. Казачество - снача-
 ла какъ отрицаніе земскихъ условій жизни,
 а потомъ, какъ своеобразно сложившееся зем-
 ство - въ нашей исторіи имѣетъ особенное зна-
 ченіе. Жизненная сила его была такъ велика,
 что оно сплотивъ было въ политическій ^{типъ}
 постепенное разможденіе котораго и оконча-
 тельное истребленіе совершилось не столько
 отъ обстоятельствъ, неблагоприятствовав-
 шихъ его развитію, сколько вообще отъ нап-
 равленій обще историческихъ идей времени.“
 I^{аб} шава носитъ вообще заглавіе со 2^и и съ 3^и;

„Государевъ дворъ или дворецъ“. Въ первой главѣ сочиненія „Домашній бытъ царей“ заботливъ събдуть, такъ сказать, за исторіей дворца, за постепенными измѣненіями въ его устройствѣ и улучшеніями его украшеній въ періодъ XVI и XVII ст. Въ началѣ главы мы находимъ вступленіе, гдѣ разбивается исторически жизнь московскаго государя, начиная съ великокняжескаго періода и кончая бытомъ царей; здѣсь онъ указываетъ на XVII вѣкъ, какъ на періодъ полного развитія древнихъ основъ русской жизни; онъ говоритъ: „старый русскій домашній бытъ и особенно бытъ русскаго великаго государя со всеми своими уставами, порядками, формами, со всю порядчивостью, чинностью и ктливостью наиболее полно выразился къ концу XVII столѣтія. Это была эпоха послѣднихъ дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, кѣмъ была сильна и богата эта старина, выказавшее и закончилось въ такіе образы и формы, съ которыми по толку не пути дальши пути было невозможно“. Великій государь, или царь XVII вѣка, несмотря на громадное политическое могущество, несмотря на недоступность, на торазетованіе, которое отбывало его теперь отъ земля-остается въ своемъ домашнемъ быту, вполнѣ народный типомъ хозяйства, главы дома, типическимъ явленіемъ того строя жизни, который служитъ основой экономической, хозяйскаго быта во всемъ народѣ. Одни и тѣ же понятія и даже уровень образованія, одни при-

бычки, вьюсы, обывки, домашние поряжки, пре-
 даний и въкрований, одни нравы, — вотъ что рав-
 няло бытъ государя не только съ боярскими, но
 и вообще съ крестьянскими бытомя. Разница
 состояла только въ большемъ просторѣ жиз-
 ни, въ большемъ богатствѣ и обилии украшений.
 „Изда крестьянская, срубленная во дворцѣ для
 государева житья, убранная богатыми тка-
 нями, раззолоченная, расписанная, все-таки
 оставалась избою въ своемъ устройствѣ, съ
 тѣми же навками, передними ушами, съ тою
 же меркою въ полтретьи сажени, сохраняя
 даже общенародное имя избу.“ Итерей въ
 взглядъ забвша на устройство древней
 Москвы и на ея исторію: Вотнииническій,
 господарскій типъ московскихъ князей обоз-
 начивъ даже въ самомъ устройствѣ ихъ ста-
 наго города Москвы. Въ сущности это была по-
 литическая усадьба, обширный вотчинниковъ
 дворъ, стоявшій среди деревень и слободъ, ко-
 торыя почти весь имѣли какое либо служеб-
 ное назначеніе въ вотчинниковомъ хозяйствѣ,
 въ потребностяхъ его дома и домашнего оби-
 ходе. „Вообще исторія Москвы, какъ города, въ
 томъ отношеніи особенно и любопытна, что она,
 такъ сказать, попыталъ идти за развитіемъ
 московскаго веподарства съ ея зародивенія,
 какъ частнаго, особеннаго, „сбдиннаго“ княвца-
 го хозяйства и до его окончательнаго распро-
 страненія на всю землю, когда это хозяйство
 — веподарство пріобрѣтаетъ уже обще зем-
 ское политическое значеніе, становителъ фор-
 мого политическаго быта земли.“ Въ 3^{ей} главѣ,

именной одинаковое название с двумя первыми, рассматривается значение различных частей дворца, говорится о том, кому позволено или не позволено доступ в дворец, говорится о карауле дворцовом, затѣмъ означены различные палаты: Грановитой, золотой, царьцовой золотой, столовой и т. п.; затѣмъ мы встречаемся с дневальными записками о походе и о дворцовом карауле, о постельныхъ крѣпяхъ, какъ сборномъ мѣстѣ дворянъ и, наконецъ, съ дѣлами о нарушении чести государева двора и о дворянскомъ безгнѣвѣ.

Въ 4-й главѣ Забѣлинъ рисуетъ образъ государственной жизни комнатной и выходной, и это описание имѣетъ для насъ большое значение, такъ какъ наши государи большую часть жизни проводили дома. Еще болѣе богатствомъ содержания, болѣе широкой программой отличается сочиненіе Забѣлина: "Бытъ русскихъ царей". Здѣсь авторъ даетъ намъ исторію русской монархіи, начиная съ Ольги. Здѣсь онъ указываетъ, какъ государи выбирали себѣ невестъ, каковы историческіе ходы они прошли до этого способа выборовъ; разсказываетъ также о придворныхъ интригахъ, происходившихъ изъ за царскихъ невестъ. Далѣе Забѣлинъ описываетъ образъ царьцовой жизни комнатной и выходной, говоритъ о замкнутости быта царей, проводившихъ время въ постоянныхъ молитвахъ и развѣздахъ по монастырямъ. Затѣмъ онъ описываетъ дворцовыя забавы, увеселенія и зрѣлища, царьцовой дворцовой чинъ;

говоритъ о различныхъ кориницахъ, псалом-
щицахъ, учительницахъ, стовныхъ баярыш-
няхъ и т.ч. Наконецъ Забѣлинъ описываетъ ца-
рицкины наряды, уборы и одѣжду; каждая мелочъ
Евсенакаго туалета, въ родѣ гребенокъ, булавонъ,
мыла, духовъ и т.п. описана авторомъ со всею
подробностію. Однимъ словомъ, это сочиненіе
даетъ действительно ключъ не только къ по-
ниманію домашней жизни, но вмѣстѣ съ
тѣмъ представляетъ художественный ин-
тересъ; мы имѣемъ здѣсь настоящіе типы,
романъ прошлаго, основанный на точныхъ,
документальныхъ, фактическихъ данныхъ.
Кромѣ этихъ двухъ сочиненій Забѣлинъ,
желая, такъ сказать, продолжить свой планъ,
рѣшился написать систематическое сочине-
ніе, посвященное исторіи русскаго народа и
основанное также на археологическихъ дан-
ныхъ. Это сочиненіе называется: „Исторія
русской жизни“ въ 2^х томахъ. Къ сожалѣн-
нію этотъ трудъ не удовлетворяетъ даже
и тѣмъ требованіямъ, которыя предъяв-
ляютъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ
самъ Забѣлинъ. Впрочемъ, принимая это-
му, быть можетъ, былъ недостатокъ истори-
ческаго матеріала. Если для описаній быта
XVI и XVII столѣтій, не смотря на громадную
массу матеріала, Забѣлинъ жаловался все
таки на скудость его, тогда эпохи съ IX по XIII в.
онъ имѣетъ къ нему оутимъ съ полной
скудостью матеріала. Онъ раздвинулъ очень
широко рамки своей задачи, захвативъ скиф-
скій періодъ, эпоху греческихъ колоній на югѣ

вышедшей России, одними словами онъ, желая изобразить домашний бытъ русскихъ, избралъ предметомъ своихъ изысканій даже не русскіе. Онъ всѣхъ скивовъ, роксоланъ и др. хотѣлъ одѣтъ въ русскіе костюмы. Въ этой книгѣ мы находимъ только блистательную характеристику природы русской территории и ея явленій на исторію. Первый томъ „Исторіи русской жизни“ почти на цѣлую треть наполненъ варяжскими вопросами; зѣтъ Задѣлинъ набираетъ для отвѣреній норманской теоріи цѣлую массу именъ и въ этомъ отношеніи идетъ по стопамъ Морозкина. Къ сожалѣнію, Задѣлинъ пользуется извѣстными и неостранными въ переводахъ. Во 2-мъ томѣ исторіи онъ развиваетъ и некоторые свои излюбленные идеи, напримѣръ, идею родового быта, но эта книга какъ не удовлетворяетъ, и въроятно, самъ Задѣлинъ убѣдился въ нестойкости своего труда и отказался отъ продолженія своей работы. Сочиненіе Задѣлина „Минимъ и Подсарекій“ находится до некоторой степени въ противорѣчій съ его излюбленными идеями. Онъ занимается зѣтъ съ жизнью не народа, а его представителей. Въ этой книгѣ мы находимъ сильный обвинительный актъ противъ сшуденлага сословія, которое создало сшуденную эпоху. Наконецъ, Задѣлину принадлежатъ 2 тома сочиненій „опыты изрненія русской исторіи и древностей“. Зѣтъ находится нѣсколько отдѣльных статей, напримѣръ: объ Алексѣѣ Михайловичѣ, о русской археологіи, о различныхъ направленіяхъ въ русской исторіи; наконецъ, въ

последнее время имъ изданы „Материалы къ исторіи города Москвы“ и „Исторія города Москвы.“

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.

Уваровъ родился въ 1824 г. и умеръ въ 1884 г. окончилъ курсъ въ Петербургѣ, онъ слушалъ лекціи въ различныхъ иностранныхъ университетахъ. Съ 1845 года по 1850 онъ состоялъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; но служба эта его не привлекала и онъ въ 1851 году поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ участвовалъ въ комиссіи по устройству быта земледѣльческихъ крестьянъ. Въ теченіи 1853 и 1855 г. состоялъ при кабинетѣ Его Величества, а въ промежуткѣ былъ капитаномъ дружины собственныхъ крестьянъ. Въ 1856 году перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и былъ назначенъ помощникомъ попечителя московскаго округа. Въ 1865 году онъ оставилъ государственную службу и до 1871 года исполнялъ должность предводителя московскаго дворянства. И такъ, мы видимъ, что графъ Уваровъ не могъ прерваться всецѣло служебной дѣятельности; перешедши въ теченіи 20 лѣтъ 4 года службы, онъ въ концѣ концовъ вовсе удалился отъ дѣлъ, и сталъ вести жизнь частнаго человека. Какъ дѣятель археологической науки, графъ Уваровъ занимаетъ у насъ самое видное мѣсто. 38 лѣтъ тому назадъ онъ уже выступилъ съ капитальными трудами по русской археологіи, который ему сразу доставили почетное мѣсто среди ученыхъ. Въ 1847 г. Императорское археологическое общество задало цѣлью

пополнить сведения о памятниках древности на берегах Черного моря; графъ Алексей Сергеевичъ предложилъ свои услуги для этой экспедиции, конечно на свои собственные средства. Задача его была далеко не легкая. Ему предстояло: 1, осмотрѣть все мѣста, упоминаемыя у древнихъ писателей по берегу Черного моря; 2, собрать сведения о курганахъ и способахъ ихъ раскопки; 3, снять мѣстности, съ которыхъ имѣтъ еще хорошие планы: въ новороссійскомъ краѣ, въ Крыму, на Тамани; 4, изслѣдовать развалины различныхъ мѣстностей въ Крыму; 5, кромѣ классическихъ древностей, обратить вниманіе и на древности скифскія, византійскія, татарскія, генуэзскія и русскія; 6, собрать все неизданныя еще древнія подписи; 7, осмотрѣть музеи; 8, провѣрить слухи о муміяхъ скифскихъ царей на стверномъ берегу Черного моря. Такимъ образомъ, порученіе это требовало разнообразныхъ историко-археологическихъ сведений и влечетъ съ тѣмъ большимъ запасомъ энергии и выдержки. Благодаря своему уму, способности къ изслѣдованію темныхъ историческихъ вопросовъ и необыкновенной преданности своему дѣлу, графъ блистательно выполнилъ свою задачу. Возвратившись изъ поѣздки, онъ напечаталъ свой первый капитальный трудъ: „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Черного моря“. Въ этомъ сочиненіи (первоначальное изданіе въ 2-хъ выпускахъ съ рисунками, на русскомъ и французскомъ языкахъ) графъ Уваровъ изумительно описалъ

разнообразные памятники древности на пространныхъ между Днѣпро-вѣскими порогами, Дунаемъ и Кубанью. Въ особенности интересны его наблюдения надъ памятниками древней Славян; по этимъ памятникамъ ему удалось возстановить ея древнюю жизнь - политическую исторію, гражданскія учрежденія, торговлю и монеты, искусства и ремесла, храмы, общественныя и частныя здания. Эта первая, видная экскурсія графа была только началомъ посильнѣе; въ этихъ поръ раскопки кургановъ съдѣлали его любимымъ занятіемъ. На это онъ тратилъ большія средства. Результатомъ этихъ раскопокъ были цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, отдѣльных изслѣдованій, статей, замѣтокъ и т.п. Немного и не время здѣсь выходитъ въ ихъ разсмотрѣніе. Достаточно будетъ остановиться на самомъ важномъ сочиненіи этого времени: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“. Закончивъ обзоръ черноморскихъ древностей, графъ Уваровъ обратился къ сѣверо-восточной Россіи, къ территории стараго суздальскаго княжества, столь богатаго памятниками древне-русской жизни. Его занимала мысль изслѣдовать курганы и городища этой мѣстности, гдѣ некогда, передъ приходомъ русскихъ славянъ, жило финское племя, не оставшееся безъ вліянія на ея великорусской народности. Наша древняя мѣстность въ общихъ чертахъ опредѣляетъ мѣстопребываніе Меря, но еще не указываетъ границу ея.

распространения, не дает почти никаких данных о ее внутреннем бытии; точнее самое нужно сказать и о дружных письменных памятниках. Таким образом, оставалось единственное средство для изысканий - обратиться за сведениями к письменным памятникам прошлого, т.е. курганам и городищам. Действительно раскопки дали возможность графу Уварову возстановить географическое распределение этого племени и его бытия. Весь мерянский поселенный район разделился на две группы - самую древнюю и новейшую, соответствующую двум фазисам колонизационного движения; что же касается границ поселенного района, то для определения ее он прибегает к географической номенклатуре, названию поселений, речей, урочищ и т.д., которые сохранили нам в фольклоре или литературе неизменно видеть следы имени Мери. Определив древнюю географию края, граф Уваров переходит в первую очередь к внутреннему бытию населения и по найденным в курганах предметам рисует нам погребальные обряды, религиозные верования, торговые сношения, жилища, одежду и украшения, домашнюю утварь, хозяйство и ремесла, вооружение и монеты. Но для того, чтобы достигнуть таких результатов, нужно было затратить много средств и труда. Чтобы дать об этом понятие, я приведу только некоторые цифры. Раскопка курганов продолжалась 4 года; всего изыскано бы-

по 163 мѣтности и разрыто 7729 кургановъ. Общее число номеровъ, найденныхъ здѣсь предметовъ равняется 998. Раскопки были окончены въ 1854 году, а основанное на нихъ сочиненіе явилось только въ 1871 г. Ученая дѣятельность графа Уварова шла между тѣмъ своимъ порядкомъ, но особенно интенсивное проявленіе ея началось съ 1865 года, когда по инициативѣ покойнаго было основано Московское археологическое общество, занявшее скоро, какъ бы центральное положеніе среди другихъ такихъ же обществъ. Въ качествѣ председателя этого общества графъ Уваровъ не пропускалъ ни одного открытія по русской археологій, особенно съ тѣхъ поръ, когда, опять таки по его инициативѣ, были организованы археологическія съезды. Тогда онъ лично ознакомился со всеми находками въ разныхъ областяхъ нашего обширнаго отечества. Съ другой стороны онъ не жалѣлъ средствъ на приобретение всевозможнѣйшихъ изданій по европейской и русской археологій, а равнымъ образомъ и самыхъ находковъ. „Въ его знаменитомъ подмосковномъ Портьевѣ“, говоритъ Барсовъ, „только нижний этажъ дома занятъ маленькими кабинетами и картинною галлереей. Бельэтажъ есть историко-археологическій музей; третій этажъ есть огромная библіотека — до ста тысячъ томовъ отборныхъ сочиненій историко-археологическаго содержания. Графъ не щадилъ никакихъ расходовъ на приобретение всехъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ изданій, относившихся къ его специальности,

и шить непрерывных сношений со всеми русскими и иностранными учеными миром. Все свои раскопки, раскопки, закупки научных предметов, издание ученых трудов, граф делал на свои средства и всегда был очень щедрым. Никакая академия, никакая публичная библиотека, музей или университет не располагает такими материалами по вещественным памятникам русской древности, какие остались в кабинете графа; описания, переписка, рисунки, фотографии в совершенном порядке рассортированы по картонкам с названиями всех губерний. Поставь все сказанное понятно, что только одним графом Уваровым мог приступит к сочинению, которое бы свело в одну картину все досель сдѣланныя археологическія открытія и представило бы нашу систематическую археологию Россіи. Къ такому сочинению и приступилъ графъ. Къ несчастью смерть не позволила ему довести своего дѣла до конца: въ 1871 г. онъ издалъ только первой томъ своего труда подъ заглавіемъ: „Археология Россіи. Каменный періодъ“. Книга эта, состоящая изъ одного тома - изъ двѣнадцати и другого - приложенія, явила въ кругу ученых дѣятельности графа. Зорьскіе гармонические соединилъ въ глубокое фактическое значеніе вещей, сдѣланныхъ въ Россіи находокъ каменнаго вѣка, съ широкимъ общимъ образованіемъ и большою начитанностью въ европейской археологической литературѣ. Это дало возможность автору названнаго сочиненія поставитъ въ связь археологию Россіи

въ археологіи западной Европы. Благодаря кри-
 тическому таланту и ясному изложению,
 изъ груды разбросаннаго, сырого материала
 получилась картина нашего доисторическа-
 го быта, его первый каменный періодъ.
 Сначала авторъ даетъ нѣкоторые общіе
 свѣдѣнія о каменномъ вѣкѣ, потомъ пере-
 ходитъ къ вопросу о первоначальномъ за-
 селеніи русской равнины въ эпоху мамон-
 та и, наконецъ, излагаетъ намъ бытъ тог-
 дашняго человека въ древнѣйшей палеолити-
 ческой, переходной и новѣйшей неолитическій
 періодъ. Нельзя не признать „Каменный вѣкъ“
 графа Уварова классическимъ сочиненіемъ
 въ нашей археологической литературѣ. Оно
 принесло большую пользу русскимъ археоло-
 гамъ, наглядно показавъ имъ, какія стороны
 вопроса разработаны болѣе и какія вовсе
 не затронуты. Западно-европейская архе-
 ологическая литература въ книгѣ графа
 Уварова приобрѣла сочиненіе, которое со-
 ставило ей массу новыхъ данныхъ и заста-
 вило значительно измѣнить преденіе взгля-
 ды на археологію Россіи. Такъ, напримѣръ,
 трудно уже теперь поддерживать преденіе
 господствовавшее мнѣніе датскаго археолога
 Борера, что и Россія не была еще заселена въ
 палеолитическомъ періодѣ каменнаго вѣка.
 Тщательныя главнѣйшіе ученые труды графа Ува-
 рова; я не останавливаюсь на массѣ другихъ, бо-
 лѣе мелкихъ, которые тѣмъ не менѣе имѣ-
 ютъ серьезное научное значеніе. Но графъ Ува-
 ровъ не былъ замкнутымъ кабинетнымъ уче-

ным; онъ былъ выдѣтъ съ тѣмъ челоѣкомъ
 инициативы. Его общественно-научная дѣ-
 ятельность такъ же должна быть оцѣне-
 на по достоинству. Онъ принадлежалъ къ
 разряду тѣхъ, къ несчастю немногочислен-
 ныхъ, дѣятелей русской исторической науки,
 которые умѣли группировать около себя предан-
 ныхъ наукъ лицъ. Соединяя въ своихъ рукахъ
 богатство, ученость и энергію, графъ Уваровъ
 успѣлъ значительно поодвинуть впередъ юную
 русскую археологію. Въ 1865 году онъ устраи-
 ваетъ московское археологическое общество, воз-
 главившимъ предсѣдателемъ котораго онъ
 былъ до самой своей смерти. Общество
 это выпустило въ свѣтъ нѣсколько стужь-
 ныхъ цѣльныхъ сочиненій и издавало посто-
 янно свой органъ подъ названіемъ „Древности“.
 Въ 1869 году по инициативѣ графа Уварова и ар-
 хеологическаго общества былъ устроенъ первый
 археологическій съездъ въ Москвѣ, другой съездъ
 черезъ 3 года въ Петербургѣ, третій въ Киевѣ,
 четвертый въ Казани, пятый въ Тифлисъ, ше-
 стой въ Одессѣ; седьмой долженъ былъ бытъ
 въ Харьковѣ, но не осуществился и проше-
 дилъ въ Ярославль. Графъ Уваровъ былъ ду-
 шою съездовъ. Онъ бралъ на себя самую труд-
 ную задачу иль организациіи, онъ участвовалъ
 въ предварительныхъ изысканіяхъ, раскоп-
 кахъ; онъ открывалъ съезды и былъ иль по-
 стояннымъ предсѣдателемъ. Съезды эти
 принесли громадную пользу и русской наукѣ,
 и русскому обществу. Помимо того, что они
 дѣлали весьма цѣнный вкладъ въ археологи-

ческую науку, они, крѣпко того способствовали возбужденію интереса среди мѣстнаго общества къ своему прошлому. Утобой удостовѣрся въ этомъ, стоить только вспомнить, какую многообразную дѣятельность по части своихъ древностей, исторіи, географіи, этнографіи обнаружили представители мѣстной учености и интеллигенціи въ казани, Тифлиси. Ученый общества, музеи продолжали потомъ дѣло създовъ.

§ 26 Западно-русская и южно-русская школа въ русской исторіографіи.

Обратимся къ характеристикѣ трудовъ самаго виднаго представителя южно-русской исторіографіи, извѣстнаго и въ русской исторіи вообще — Н. И. Костомарова.

Отъ него сохранилась его автобіографія, помѣщенная въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Кіевского университета и въ журналь "Русская мысль" за 1885 годъ въ V и VI книжкахъ. Есть воспоминанія о немъ господи Тьмозерекки, помѣщенные въ "Русской старинѣ", затѣмъ лекціи о немъ Семевскаго въ "Русской старинѣ" за 1876 г. 1. Существуетъ цѣпка его дѣятельности, сдѣланная Антоновичемъ, воспоминанія его близкаго друга Мордочевскаго, помѣщенные въ "Нови"; воспоминанія Скабичевскаго. Костомаровъ родился въ 1817 году 4 мая въ Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, въ краѣ, гдѣ сплоченная малорусская народность соприкасается съ сплоченною великорусскою. Обучался онъ въ разныхъ пансіонахъ Воронежа и Москвы.

Въ своей автобиографіи онъ разсказываетъ нѣсколько инцидентовъ съ пансіонскими воспитателями. Нужно сказать, что Костомаровъ былъ очень шаловливъ и сшилъ за такого у себя своихъ воспитателей. Такъ, онъ разсказываетъ, что однажды поссорился съ однимъ изъ учителей — нѣмецемъ Траппомъ, за что содержатель пансіона Мурданъ, бывшій капитанъ Наполеоновской арміи, поставилъ его на колья. « Я шекнутъ, говоритъ Костомаровъ, съ догадливостью, свойственной дѣтству, который всегда подмѣчаютъ слабый струнчикъ въ сердце, что можно воспользоваться въ свою пользу не любовью т-я Мурдана къ нѣмцамъ и, стоя на колыяхъ, проговорилъ какъ будто про себя: „Fahler — лѣстникъ, въ дѣлѣ нѣмцы лѣстники, а какъ шель былъ Наполеонъ!“ Сначала Мурданъ притонилъ было на меня, но подхвативъ послѣднія слова, проговорилъ: „О, какъ былъ“ и пустился съ увлеченіемъ разсказывать о какомъ то походѣ. Цѣль была достигнута, нѣсколько минутъ спустя онъ простилъ меня“. По окончаніи курса въ Воронежской гимназій, Костомаровъ на 14^{мъ} году поступилъ въ университетъ московскій, гдѣ, между прочимъ, слушалъ Каченовскаго, Погодина и Шевырева. Черезъ годъ онъ перевелся въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Гордый, пылкій нравъ, унаследованный Н. И. отъ отца, проявился часто во время его студентства въ Харьковѣ. Такъ, напримеръ, онъ участвовалъ въ одной дракѣ студентовъ съ приказными и вырвалъ одного приказнаго шпагой. Въ 1836 году онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, причѣмъ сдѣлалъ былъ передергиванья

нѣкоторые предметы, чтобы поучить кандидата. По окончаніи онъ поступилъ въ военную службу, въ драгунскій полкъ юнкеромъ, но вскорѣ взялъ отпускъ, былъ уволенъ „по неспособности“ и поселился въ Острогородскъ, гдѣ занимался въ архивѣ уѣзднаго суда козацкими дѣлами. Вскорѣ затѣлъ Костомаровъ начать съ большими ухищреніями изучать малорусскій языкъ, путешествовать по украинскимъ деревнямъ и собирать тамъ стихи, и 1838 году написалъ первую свою повѣсть на малорусскомъ языкѣ подъ названіемъ „Савва Галки“ и издалъ украинскія баллады. Въ 1842 году онъ подалъ для защиты на степень магистра диссертацию объ униі, но она была сочтена; въ мартъ слѣдующаго года вышелъ приказъ сдать диссертацию, отъ которой чувствую очень незначительное количество экземпляровъ. Тоненіе на мою диссертацию, говоритъ Костомаровъ, поднято было вслѣдствіе выказанныхъ въ ней убѣжденій, что распространенію униі способствовало невѣжество, безправствленность и иждивеніе православнаго духовенства и, сверхъ того, поддѣлки были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взгляды скорѣе протестантскіе, чѣмъ православныя. Въ 1844 г. Костомаровъ написалъ и подалъ въ Харьковскій университетъ другую диссертацию „объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, но въ ней онъ, главнымъ образомъ, распространяется о малорусской поэзіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ советовали не хотѣли признать диссертацию, такъ какъ самимъ предметъ казался имъ страннѣмъ, неученымъ. „Концу нужно знать, говорили они, какъ чувству-

еть парубокъ, или дівка"? Диссертация была односторонне принята и Костомаровъ получилъ послѣ ея защиты мѣсто учителя исторіи въ Добно, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ первую кievскую гимназію. Въ декабрь 1845 г. онъ былъ избранъ профессоромъ Киевскаго университета, поѣхалъ потомъ въ Острогъ, гдѣ продалъ свое имѣніе и, по возвращеніи въ Кіевъ, выѣхалъ въ Бѣлозерскіе, Тулаковъ, Маркевичи и нѣкоторыми друими задумалъ основать знаменитое Кирилло-Меодіевское общество, „которое имѣло цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федерации славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей.“

Около этого же времени Костомаровъ познакомился съ М. Шевченко, который и рѣшилъ готовность принять участіе въ „Обществѣ“. 25 декабря 1846 г. было роковымъ днемъ для Общества. Въ этотъ день члены его собрались на квартиру Тулакова, горячо спорили, мечтали о будущности общества; Шевченко выразился, по обыкновенію, очень нецензурно. За стѣною той комнаты, гдѣ все это произошло, сидѣлъ нѣкто Петровъ, который постарался сблизиться съ Тулаковымъ и втереться въ его разговоры; этотъ Петровъ, узнавши теперь все планы общества, написалъ доносъ въ Петербургъ. На святой недѣлѣ Н. И. Костомаровъ уже выхалъ съ ландарманомъ въ Петербургъ, гдѣ былъ доставленъ въ III отдѣленіе и здѣсь нѣсколько разъ подвергнулся допросу, послѣ чего былъ отправленъ въ ссылку въ городъ Саратовъ.

Здѣсь Костомаровъ написалъ рядъ трудовъ, которые воздали ему славу первокласснаго издателя и историка („Богданъ Хмельницкій“, „Бунтъ Стеньки Разина“ и друг.). При новомъ царствованіи полдженіе Н. И. Костомарова умножилось: онъ сдѣлае больше освобожденъ изъ ссылки и отправился за границу. Въ стокгольмѣ онъ занимался въ архивахъ и нашелъ здѣсь важные матеріалы для исторіи Дмитрія Самозванца. Въ 1858 г. Костомаровъ прибылъ въ Петербургъ и осенью того же года опредѣленъ профессоромъ по русской исторіи въ Петербургскій университетъ. Петербургскій періодъ былъ самымъ свѣтлымъ періодомъ его университетской, преподавательской дѣятельности, которая сопровождалась небывалыми, шумными овалціями, не смотря на то, что онъ читалъ монотонно, не повышалъ голоса, не прибѣгалъ къ жестикуляціи и искусственнымъ приемамъ краснорѣчія. Ф. Скабичевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ, говоритъ о лекціяхъ Н. И. слѣдующее: „Преувеличить стоить на кафедрѣ человѣкъ съ неподвижными, словно застывшими чертами лица, и смотрѣлъ своими задумчивыми глазами не на васъ, а куда то въ невѣдомую даль, словно выйдъ въ окошъ; тихимъ монотоннымъ шепотомъ, отчеканивая каждое слово, но безъ малѣйшихъ повышений или понижений голоса, невозмутимо спокойнымъ тономъ онъ читалъ свою лекцію, какъ будто нехотя, а между тѣмъ заставлялъ забывать васъ все, что васъ окружало, и всецѣло переносить въ

ту эпоху, среди, о которыхъ шла рѣчь съ ка-
ведры?" Въ лекціи Н. И. были прекрасно со-
ставлены, основаны на матеріалѣ первой ру-
ки и обработаны самымъ тщательнымъ об-
разомъ. Костомаровъ постоянно перерабаты-
валъ этотъ матеріалъ въ своей творческой
фантазіи, и его работы отличались всегда
тѣмъ художественнымъ изображеніемъ
судьбы прошедшей жизни, которое ставитъ
его наряду съ Тьери, Маккоеллемъ и др. Въ
этой картинности изображенія, которая
сразу вводитъ слушателя въ изображае-
мую эпоху, присоединяется и научный ха-
рактеръ лекцій Костомарова. Объ этомъ
прямо свидѣтельствуетъ курсъ его, лито-
графированный его слушателями и потому
напечатанный. Зарѣе мы находимъ замѣча-
тельную попытку анализа рускиихъ летописей,
какъ источниковъ. Въ самомъ изложеніи со-
бытій онъ создаетъ, главнымъ образомъ, ис-
точниками. Его монографія „Сѣверно-русскія
народоправства“ представляетъ только
нѣкоторую переработку его университет-
скаго курса, который онъ читалъ въ универ-
ситетѣ, какъ специальный отдѣлъ. Та-
кимъ же характеромъ отличается и дру-
гое его изслѣдованіе: „Гетманство Выгов-
скаго“; изслѣдованія свои онъ производилъ
на основаніи архивныхъ источниковъ и др.
и читалъ въ университетѣ результаты
своихъ изслѣдованій. Чепъ же его лекцій
все болѣе и болѣе возрасталъ, по позднѣмъ
событіямъ, прервавшимъ его лекторскую дѣятель-

ность. Въ это, именно, время происходили студенческія исторіи въ университетъ, выходъ въ отставку нѣкоторыхъ профессоровъ (Лыпинъ, Стасюлевичъ, Каверинъ и Б. Утинъ) и образованіе чего-то въ родѣ волынскаго университета, иниціатива котораго принадлежала Костомарову. Читанія, начавшіяся въ Январѣ 1864 г., происходили въ залѣ Петербургской городской думы и читали главными образомъ: Костомаровъ, Спасовичъ, Утинъ, Павловъ, Благовещенскій и др. Вскорѣ оудинъ и Павловъ - были арестованы, послѣ чего весь профессоръ, за исключеніемъ Костомарова, рѣшили прекратить публичныя чтенія, а студенты готовились устроить демонстрацію; на Костомарова весь былъ недоброжелателенъ за то, что онъ продолжалъ читать и этимъ дѣлалъ какъ бы неудобное правительству. На послѣдней его публичной лекціи онъ уже былъ стипендіантъ съ кафедрой. Послѣ этого онъ вышелъ въ отставку, и хотя потомъ нѣкоторые университеты предлагали ему читать лекціи, но онъ до конца жизни продолжалъ оставаться частнымъ человѣкомъ, и былъ только членомъ археографической коммисіи. Вотъ почему онъ является такимъ плодотворнымъ историкомъ, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ, кажется, Соловьева, не говоря уже объ изданныхъ имъ матеріалахъ. Слѣдуетъ отнестись въ біографіи Костомарова еще одну черту - сильное увлеченіе, или работой, или одной какой-нибудь идеей. Принимаясь за трудъ, онъ старается

не только изучит материал, он старается
 оживить и осязать его явным для себя, он стре-
 мится к полной отчетливости исторического
 представления. Трудно, вообще, представить
 себе картину прошлого, но Костомаров в
 этом отношении является историком
 - художником и вполне справедливо засту-
 ливает это название. Секрет этого заклю-
 чается в том, что Костомаров не только
 старается выкинуть образы изучить яв-
 лению; он изучает его так, чтобы оно ясно
 представилось в его воображении. В этой
 целью он прибегает к материальным га-
 стного характера, которые являются са-
 мую сущность событий. Он придает зна-
 чение мемуарам, сказаниям иностранцев,
 запискам и т.п. Если мы обратим внима-
 ние на его монографии (Тюрганъ Кильбицкий,
 Псковские годы Ельи Пскопитой), мы найдем
 в них обилие и разнообразие материала.
 Но Костомаров не довольствуется одними
 письменными источниками. Он прибегает
 к такому материалу, который пренебре-
 гают другие историки: к памятникам
 народного творчества. Им он интересу-
 ется постоянно; в этого же он начал и
 свою научную деятельность. Этому пред-
 мету посвящена его мажистерская диссер-
 тація: „историческое значение русских на-
 родных пьес“; здесь он высказывает не-
 которые оригинальные взгляды и вposito-
 ствии нередко пользовался этимъ матери-
 алом, и благодаря этому он вполне заву-

лишь свою славу. Памятники народного творчества судятъ ему дѣла того, чтобы опредѣлить народную душу, чтобы опредѣлить взглядъ самаго народа, его поэтическіе идеалы. Пѣсни и другіе народные памятники важны потому, что ихъ даетъ самъ народъ. Если въ актахъ, грамотахъ и другихъ памятникахъ мы видимъ въ высшую сторону бытія, то въ народныхъ памятникахъ мы видимъ духовную сторону народа, мы видимъ здѣсь его въ области чувственной и въ нравственной сторонѣ бытія. Неудивительно, что взглядъ Костомарова на русскую исторію характеризуетъ, именно, такими воззрѣніями, и эти взгляды его выражены въ его вступительной лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Въ этомъ взглядѣ, ставящемъ на первый планъ въ историческомъ изложеніи самъ народъ, заключаются сродство Костомарова съ Забѣлинъ, но разница въ томъ, что Забѣлинъ развиваетъ теорію государственной народности, а Костомаровъ не отождествляетъ народности съ государственностью, напротивъ, — онъ ихъ ставитъ въ противоположность другъ къ другу. Русской этнографіи онъ придаетъ громадное значеніе. Вотъ загадка того, почему въ русской исторіи, во всемъ въ развитіи онъ игнорируетъ этнографическую сторону. Онъ является историкомъ, этнографомъ и историкомъ областнымъ. Сначала онъ занимался древнимъ періодомъ, затѣмъ московскимъ и императорскимъ. Въ статьѣ: "Два русскія народности" онъ говоритъ, что

онъ образовался изъ трехъ народностей. Для изу-
 чения исторіи Великороссіи онъ сдѣлалъ не мало,
 но еще болѣе сдѣлалъ онъ для изученія исторіи
 малорусскаго народа. Я указалъ на нѣкоторые,
 наиболѣе выдающіеся, отличительные при-
 знаки работъ Костомарова. Укажу на другія
 важныя особенности его исторической дѣятель-
 ности. Все говорятъ, что Костомаровъ историкъ
 -художникъ. Но для всего это опредѣленіе имѣ-
 етъ одинаковое значеніе. Нѣкоторые говорятъ,
 что если онъ художникъ, то онъ не критикъ. Но
 при болѣе близкомъ знакомствѣ съ его работами
 этотъ взглядъ оказывается несостоятельнымъ.
 Все работы Костомарова отличаются са-
 мостоятельностью, оригинальностью, научнымъ
 характеромъ и все основано на источни-
 кахъ первой руки. Правда, необходимо выдѣ-
 лить изъ разряда его ученыхъ произведеній
 разныя историческія романы, рассказы, но
 они рисуютъ другую его сторону, какъ художе-
 ника-поэта. Научныя его работы характе-
 ризуются непосредственнымъ знакомствомъ
 съ источниками, и въ этомъ отношеніи онъ
 является такимъ же представителемъ до-
 кументальнаго направленія, какъ и Солов-
 евъ. Костомаровъ въ теченіи своей жизни из-
 далъ 12 томовъ актовъ южной и западной Рос-
 сіи, въ которыхъ заключается масса докумен-
 товъ изъ московскихъ архивовъ и изъ рукописей
 петербургской археографической комиссіи. Все
 его художественныя историческія произведенія,
 все его монографіи, посвященныя южной Россіи,

основаны на этомъ матеріалѣ, который имѣ-
 мно найденъ, списанъ и изданъ. Такимъ об-
 разомъ, его работы прямо основывались на
 этомъ матеріалѣ, и хотя онъ далеко не исчер-
 палъ всѣхъ данныхъ, ему удалось, однако, на ос-
 нованіи нѣкоторыхъ данныхъ изложить собы-
 тія съ достаточной полнотой. Сюда нужно
 присоединить и серьезное отношеніе его къ дру-
 гимъ памятникамъ. Костомаровъ, быть мо-
 жетъ, не хуже Погодина зналъ лѣтописи, ци-
 тировалъ на память много мѣста изъ нихъ.
 Онъ усвоилъ себѣ даже славянской языкъ лѣто-
 писей; онъ вникалъ не только въ самый духъ
 языка — онъ изучилъ его въвѣрную форму, по-
 строеніе рѣчи, обороты: онъ могъ далее писать
 и говорить на древне-лѣтописномъ языкѣ,
 и сохранилось нѣсколько писемъ, написан-
 ныхъ именно на этомъ языкѣ. Напримеръ,
 сохранилось письмо его, писанное Бѣлозер-
 скому (въ то время редактору „Основы“) по поводу
 заранее посланнаго приглашенія въ крестные
 отцы: „Зло благодарю тѣ, отецъ Василіе, яко не
 по достоинству моему вознепичевоу еси сотво-
 рити мѣя воспріимникомъ едше по плоти чада
 твоего отъ купели св. крещенія. Таковыя гостъ
 благодаритъ приемлю азъ худой и наче всѣхъ
 чловѣкъ грѣшнѣйшій. Обаче не тобою сына, но
 аще и дщерь дастъ ти богъ, такожде нѣмо-
 же сотворити мѣя воспріимникомъ тебѣ пре-
 титъ, въ великую бо силу нѣемъ аще посвѣ-
 щенъ и на оленекъ полъ воззрѣніе нѣетъ ми
 возбранено правила св. отецъ седми соборовъ,
 наипаче въ таку возрастъ, въ каку дщерь

она, аще бы получила быти и имать, самъ все-
казненный фирманъ безсилентъ есть нѣкое
муравое помышление вводитьи. Писаніе мое
превратихъ да ти снестя. Аще же совѣсть
зазреть, возврати отце, да воину обитель
вдашь. Азъ ширенный старецъ Николай
моллю Господа бога моего и всехъ святыхъ
его оздравіи твоимъ и честной супрудени-
цы твоея и чады твоихъ, мене же грѣшна-
го прости Христа ради, честный отче Ва-
силіе. Писано въ градѣ Петроградѣ, на остро-
вѣ святого Василія, идеже на кельѣ рѣчь въ
пустыни Кармансткой, иже отъ вомощенія
бога Слова 1861, мѣсяца Іулія въ 13 день, на па-
мять св. ап. Луки и силицана и идеже во свѣтлыхъ
мученикѣхъ Іоанна Воина, иже же мошты
ради да пошлуютъ васъ Господь, яко блавы
и человеколюбецъ." - И такъ художествен-
ность Костомарова не только не стояла въ
противорѣчіи съ документальными харак-
терами его работъ, наоборотъ, въ значитель-
ной степени одна вызывала другую. Многие
упрекаютъ Костомарова за то, что въ своихъ
характеристикахъ онъ воспроизводитъ отри-
цательный черты жизни тѣхъ лицъ, кото-
рые въ традиціонной исторіи изобразяют-
ся героями. Въ свое время Погодинъ, никогда
не покладавшій рукъ своихъ при появленіи по-
добныхъ историческихъ ересей, выступилъ
и противъ Костомарова. Костомаровъ вы-
сказалъ ересь, что Русь вышла изъ Литвы, и
Погодинъ выступилъ противъ этой новой
исторической ереси, изъ за чего возникъ иль

ответный публичный диспутъ. Въ трудныхъ о московскомъ периодѣ Костомаровъ высказываетъ оригинальные и нередко отрицательные взгляды и выводы. Но Костомаровъ несомненно былъ патриотъ, вѣрилъ въ здоровыя, здоровыя силы народа, и, именно, эта вѣра заставляла его искренно, трезво относиться къ событіямъ прошлого. Онъ не боялся высказать отрицательной соображенія о томъ или другомъ лицѣ. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, долженъ ли историкъ вообще высказывать отрицательные взгляды о дѣятеляхъ. Такимъ образомъ, въ сочиненіяхъ Костомарова воспоетъ скептическое направленіе и критическій духъ; этотъ скептицизмъ доходитъ у него иногда даже до крайности. Напримеръ, Русскую исторію онъ начинаетъ съ Владимира Св. Съ другой стороны онъ нередко ошибается въ характеристикѣ разныхъ дѣятелей, сущаятъ краски; но-иное дѣло-ошибка, заблужденіе, совершенно естественное и другое - злой умыселъ, презвзтая тенденція. Какъ натура, увлекающаяся, Костомаровъ могъ впасть въ крайности; онъ старался представить лицо въ видѣ живаго образа, и уже это одно должно было заставить его дѣлать рѣзкія, опредѣленные характеристики. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ объектикомъ. Многие его взгляды не будутъ вполне приняты, многие будутъ приняты цѣликомъ, нѣкоторые отбросятся. Всякое событіе онъ хотѣлъ воспроизвести такъ, какъ будто оно совершалось сегодня. Онъ дѣлалъ даже, такъ сказать, историческіе опыты. Не дообъяснялъ, напримеръ,

ть, что у Олария онъ вычиталъ, какими обра-
 зомъ русскіе приготовили очень военные мѣды,
 онъ заставилъ свою мать сдѣлать подобныя ме-
 ды по рецепту, замѣтываемому у Олария.
 Затѣмъ Костомаровъ не довольствовался
 тѣмъ, что онъ зналъ тѣ или другія битвы,
 мѣста ихъ; онъ самъ посвящалъ эти мѣста
 (когда писалъ, напримеръ, о Богданѣ Хмель-
 ницкомъ). Вотъ основныя черты въ научномъ
 творествѣ Костомарова, которыя характе-
 ризуютъ его и отличаютъ отъ другихъ изыс-
 дователей. Здѣсь можно еще отмѣтить
 важную черту въ біографіи Н. И. Костомарова
 — это, если можно сказать, — научная совѣстли-
 вость. Онъ иль въ силу этого отказался отъ тѣхъ
 мнѣній, которыя вносили дѣйствию онъ находилъ
 несостоятельными. На Тифлисскомъ археологи-
 ческомъ съѣздѣ, послѣ реферата Чубайскаго
 о происхожденіи Руси, онъ публично отказал-
 ся отъ мнѣній о происхожденіи ея изъ Шумвы.
 Такая совѣстливость характеризуетъ глав-
 но истинный талантъ. Теперь сдѣлаемъ
 самыя краткія указанія на его печатныя тру-
 ды. Эти сочиненія относятся вообще отъ
 лавъ русской исторіи. Таковы его лекціи.
 Затѣмъ у него есть статья „О началѣ еги-
 птодержавія въ древней Руси“. Здѣсь онъ высказы-
 ваетъ взглядъ на роль монголовъ въ русской исто-
 ріи, и съ этимъ взглядомъ придется считатъ-
 ся нашимъ историкамъ. Въ сочиненіи его
 — „Русская исторія въ біографіи вадимовичей
 въ двѣнадцатомъ вѣкѣ“ мы находимъ яркія и оригиналь-
 ныя характеристики. Особенно замѣчательна

его характеристика Ивана Грозного, въ которой онъ видитъ художественную картину и несчастнаго великаго. Затѣмъ о смутномъ времени существуетъ обширная монографія Костомарова въ 3-хъ частяхъ. Костомарову принадлежатъ полемическія статьи по поводу личностей смутной эпохи, о которыхъ онъ высказываетъ строгіе и справедливыя взгляды (о Пожарскомъ). Сюда же относится его статья о личности первого самозванца („Кто былъ первый лже-Дмитрій?“), гдѣ онъ впервые высказываетъ мысль, что Самозванецъ и Отрепьевъ - не одно и тоже лицо. Свою „исторію въ біографіяхъ“ онъ доводитъ до Екатерины II. Сюда же нужно отнести работы, посвященныя внутреннему бытію: Очеркъ исторіи торговли Московскаго государства въ XVI и XVII в., не утратившій и до сихъ поръ своего значенія. Недостатки его въ томъ, что заѣвъ даныя, относящіяся къ XVI и XVII вв., соединены влѣсть. „Сверно-русскія народоправсѣва“, - несмотря на то, что вносились по этому вопросу появившес важныя труды Аннинскаго, Бляева и друг., и до сихъ поръ не утратили своего значенія. Работы, относящіяся къ южной Руси, составляютъ цѣлую самостоятельную серію въ сочиненіяхъ Костомарова. Исторіей Малороссіи онъ заинтересовался очень рано, тогда же по окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ. Вопросъ объ уни, послужившій темою для его диссертации, поjer-

нтвшею извѣстную участъ, онъ продолжалъ
 вносить въ нѣмъ разработывать. Здѣсь онъ имѣетъ
 мало предшественниковъ: Бантшиль - Каменска-
 я, Маркевича, Максимовича. Достоянствѣ
 южнѣе Лютонсей недосѣжато было опредѣ-
 лено. Среди разныхъ любителей старины хо-
 дила „Исторія Русовъ“, отнашавшая очень осно-
 вательныя и вѣрныя съ тѣмъ патристиче-
 скии сочиненія. Докоментальныи данныи
 только начали вырабатываться - и все это
 предметомъ служило Костомарову. Первыи
 его трудомъ въ этой области было сочиненіе,
 посвященное одному изъ самыхъ видныхъ
 дѣятелей - Богдану Хмельницкому. Онъ
 смотритъ на дѣятельность послѣдняго, кн
 на важнѣйшее # событіе въ русской исторіи
 въ XVII вѣкѣ. Онъ видитъ здѣсь узелъ, соединяв-
 щий нашу Россию не только съ исторіей Россіи,
 но и съ исторіей Польши - и въ этомъ все до-
 ля правды. Когда вышло 1^е изданіе этого
 труда, Максимовичъ въ цѣломъ рядѣ писемъ
 указалъ на ошибки въ этомъ сочиненіи. Ко-
 стомаровъ по поводу однихъ писемъ отвѣ-
 талъ, а на другія промолчалъ, но все ошибки,
 указанные Максимовичемъ, онъ исправилъ въ
 новомъ изданіи. Ему же принадлежатъ -
 „Бунтъ Кошевого Намивайки“ и друг. Въ
 введеніи онъ систематически излагаетъ исто-
 рію казачества, основанную на прочтеніи ма-
 териала изъ императорской публичной
 библиотеки. Кроме того, онъ впервые все-
 пользовался польскими рукописями. Исторію
 казачества онъ занялся систематически и

исследовать XVI и XVII в. Это было очень тяжёлое время в истории южно-русского народа. (Закончил монографией „Магана и маденицы“). Давая общую характеристику этимъ трудовъ, мы отметили, что онъ внесъ цѣлую массу материала въ этотъ темный уголъ русской истории. Но внутренней исторіи этого края онъ вовсе не затрагиваетъ. Затѣмъ въ болѣе новыхъ работахъ мы видимъ нѣкоторые оскуднѣвшіе художественнаго таланта, которое объясняется, какъ и прежде, появившимся у него болѣзненнымъ припадкомъ. Въ работахъ его по областной исторіи принадлежатъ прекрасное его сочиненіе „Послѣдніе годы Рѣки Понюпитой“, гдѣ онъ вноситъ массу материала. Взглядъ его на это въ сущности стѣсняется полной опредѣленностью; при этомъ паденіи полъши онъ видитъ во внутренней исторіи самой Польши. Укажемъ еще на то, что напечатанные имъ въ то-мъ актѣ по южно-русской исторіи останутся навсегда драгоцѣнными матеріалами и для внутренней, и для внешней исторіи южной Руси XVI и XVII в. Время этимъ историческимъ трудовъ, Костомаровъ принадлежитъ много трудовъ въ области русской этнографіи въ широкое смысле этого слова. Напримѣръ, подъ его редакціей изданы памятники народнаго творчества. Но въ своихъ работахъ Костомаровъ не ограничивается сферой русско-славянской. Онъ наметилъ характеристику литовскаго племени въ древній его періодъ.